

стве (или увозе) жены-изменницы является продолжением рассказа о детстве мудрого царевича и его «судах», как в рукописной повести. Нельзя же предположить, что одна половина этой цельной сказочной истории ведет свое начало от былины, а другая почерпнута в каком-то другом источнике.

Сказки о детстве Соломона, а также о его «судах» гораздо чаще встречаются отдельно, без продолжения о его женитьбе и измене жены. Равным образом и этот второй, «романический» сюжет иногда излагается в виде самостоятельной сказки. Нельзя не заметить, что многообразие мотивов тех и других фольклорных сказок далеко не покрывается старорусскими рукописными сказаниями об этом библейском царе и мудреце. Лишь немногие устные пересказы более или менее близко следуют за рукописными редакциями повести. Такова, например, сказка о Соломоне в записи И. А. Худякова,⁶ таков еще в особенности прозаический текст П. Н. Рыбникова «Царь Саламан».⁷ В них действительно чувствуется влияние народной книги, которое, однако, могло быть «вторичным» и «обратным», потому что сами-то поздние книжно-народные обработки легенды о Соломоне в значительной мере создавались под воздействием фольклорного предания. В этом отношении, как мы могли убедиться, особенно показателен пример фольклоризированной редакции повести, пересказанной в «Красном сборнике».

⁶ И. А. Худяков. Великорусские сказки, в. 2. М., 1861, № 80.

⁷ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, изд. 2, т. I. М., 1909, № 49.